

Не ваше собачье дело

В истории о «звуковых пушках» в Белграде Вучич продолжает демонстрировать беззвучие

Протесты в Сербии. Фото: AP / TASS

12:01, 20 января 2026,

Геннадий Габриэлян

корреспондент «Новой» на Балканах

Эта история, казалось, уже забылась, и мартовский эпизод прошлого года в центре Белграда, покалечивший участников мирного протеста, растворился в шуме последующих событий. Но на прошлой неделе издание POLITICO приоткрыло завесу над тем, что происходило тогда в глубинах сербского государства, и стало ясно: забывать было рано.

15 марта 2025 года Белград пережил один из самых странных эпизодов в новейшей протестной истории страны.

Многотысячная демонстрация — по оценкам организаторов и независимых наблюдателей, до 325 тысяч человек — собралась в центре города, чтобы почтить память жертв трагедии на вокзале в Нови-Саде. Обрушение крыши вокзала в этом городе 1 ноября 2024 года унесло жизни 16 человек и стало катализатором массовых протестов против коррупции и некомпетентности власти президента Александра Вучича. Протестующие требовали отставки правительства, обвиняя его в халатности и сокрытии фактов. Во время 16-минутной минуты молчания в память о погибших внезапно раздался резкий направленный шум, прокатившийся по бульвару Короля Милана. Люди говорили о гуле, который мог бы издавать гигантский локомотив, в сочетании с высоким, чрезвычайно громким свистом, о непонятном давлении, внезапно разлившемся в воздухе, и о последовавшей беспричинной панике.

Видео с места событий, снятые с разных точек, зафиксировали одну и ту же реакцию: волна тревоги проходит через плотно стоящую толпу, после чего люди начинают разбегаться. В приемные покои белградских больниц поступали люди с жалобами на тошноту,

головную боль, головокружение, дезориентацию.

Некоторые сообщали о сбоях в работе кардиостимуляторов и слуховых аппаратов. По данным правозащитных организаций, таких как Border Violence Monitoring Network, за медицинской помощью обратились сотни человек, а один протестующий пережил несколько сердечных приступов. Это вызвало подозрения в использовании запрещенного в Сербии акустического оружия.

Расследование POLITICO, основанное на оказавшихся в его распоряжении правительственных документах, показывает, что сербские власти не только отрицали применение акустического оружия против протестующих, но и пытались доказать, уже после событий, что вообще «ничего не было». Делали это в закрытом режиме и с привлечением российских спецслужб. Свидетельства, полученные журналистами, раскрывают детали сотрудничества между сербским Агентством безопасности и информирования (BIA) и ФСБ России, выдающие глубокие связи Белграда с Москвой в сфере подавления несогласных. Это далеко не первый случай: силовые структуры Сербия традиционно ориентированы на Россию, особенно в вопросах разведки и вооружений, что вызывает обеспокоенность в ЕС, куда страна стремится вступить.

Отрицание как стратегия

Тогда власть отреагировала очень оперативно — отрицанием. Министр внутренних дел Ивица Дачич «под полной моральной и уголовной ответственностью» уверял, что полиция не использовала никаких незаконных средств. Президент Вучич заявил, что в течение 48 часов будет проведено полное расследование, а разговоры о применении «звуковых пушек»

назвал ложью. Вучич даже пообещал уйти в отставку, если докажут использование такого оружия, называя обвинения западным заговором против него.

На этом этапе история могла бы и закончиться, если бы не одно «но». Уже тогда сербские чиновники признавали, что полиция располагает устройствами типа LRAD — Long Range Acoustic Devices (акустические устройства дальнего действия).

Формально они классифицируются как средства дальнодействующей акустической связи — для передачи предупреждений и голосовых сообщений на большие расстояния. При этом сами устройства способны работать и в режиме направленного высокоинтенсивного звукового излучения, что неоднократно вызывало споры об их применении как средства воздействия на толпу.

При использовании на близкой дистанции такие излучатели способны вызывать у людей болевую реакцию, потерю ориентации, головокружение и повреждение слуха.

LRAD, разработанные американской компанией Genasys Inc. (ранее American Technology Corporation / LRAD Corporation), излучают направленные звуковые волны высокой интенсивности (до 150 децибел), которые могут причинять физический дискомфорт на расстоянии до 1 км. Такие устройства использовались полицией в США во время протестов Black Lives Matter в 2020 году, а также Израилем против палестинских боевиков и в Ираке армией США. В Сербии они запрещены для использования как оружие, но власти приобрели соответствующие устройства в 2021 году в «коммуникационных целях». Производитель Genasys позже заявил, что видео с протеста не подтверждает их активацию,

что, однако, не развеяло подозрений.

Власть настаивала: да, устройства есть, но в тот день они не применялись. Министр внутренних дел Ивица Дачич подтвердил наличие LRAD 450XL на полицейском автомобиле у здания парламента, но утверждал, что оно было оснащено только записью предупреждения о рассеивании и не активировалось.

Полиция на протестах в Белграде. Фото: AP / TASS

Документы, собаки и «биологические объекты»

Согласно последним документам, примерно через две недели после мартовского протеста сербские и якобы российские специалисты разведывательных служб собрались на испытательном полигоне ВИА. Цель формулировалась сухо и технократично: оценить воздействие излучателей на биологические объекты. В качестве таких «объектов» были

выбраны собаки — из-за их «высокой чувствительности к акустическим воздействиям». Животных подвергали воздействию двух моделей LRAD — 100X MAG-HS и 450XL на дистанциях от 25 до 200 метров.

Министерство сельского хозяйства, лесного и водного хозяйства Сербии официально заявило, что не получало никаких запросов на проведение подобных испытаний. «Это ведомство никогда не получало запроса на разрешение проведения испытаний на животных, и следовательно, никакого решения об их одобрении принято не было», говорится в документах.

Юрист Данило Чурчич квалифицировал произошедшее однозначно: по его словам, собаки были «подвергнуты либо экспериментам, либо жестокому обращению» в терминах сербского законодательства, которое требует предварительного согласования экспериментов на животных с комиссией по этике и прямо запрещает использование животных для тестирования оружия и военного оборудования. Кроме того, подобные тесты нарушают не только национальные законы, но и европейские стандарты защиты животных, включая Директиву ЕС 2010/63/EU. Правозащитники, включая Amnesty International*, осудили это как жестокое обращение, сравнивая с запрещенными практиками в военных экспериментах.

Экспертиза как алиби

Отчет о результатах испытаний LRAD был подготовлен, согласно утечки с сербской стороны, якобы при участии ФСБ. В документе утверждалось, что животные «не испытывали дискомфорта», а повторный осмотр через три дня не выявил у них каких-либо отклонений. Именно этот вывод власти положили в основу своей аргументации: если собаки не пострадали — значит, не могли пострадать и люди. Так сугубо технический отчет превратился в инструмент политического алиби.

Александр Вучич неоднократно ссылался на этот документ, заявляя, что российские эксперты полностью опровергли обвинения. При этом независимые аудиоанализы, выполненные, в частности, сербской неправительственной организацией CRTA (Центр исследований, прозрачности и подотчетности), зафиксировали наличие звукового сигнала, по своим характеристикам сходного с воздействием LRAD.

Линия поведения власти была выстроена аккуратно и поэтапно. Сначала — тотальное отрицание. Затем — признание наличия установок LRAD, но с оговоркой «не применялись». Еще позже — отчет якобы ФСБ, который должен был поставить точку.

И наконец, исчезновение темы из провластных медиа. Ни одно из первоначальных свидетельств пострадавших не было формально опровергнуто. Никто не извинился перед протестующими. Никто не признал, что расследование велось не ради истины, а ради подтверждения заранее выбранной версии.

В этом смысле история со «звуковыми пушками» создала прецедент для управления кризисными ситуациями: отрицай, затягивай, смещай фокус, дождись следующего скандала. Это типичная тактика авторитарных режимов, отмечают аналитики Freedom House*, оценивающие Сербию как «частично свободную» страну с проблемами в области прав человека.

Протесты в Сербии. Фото: AP / TASS

Люди — побочный шум

В этой логике есть одна зияющая пустота: людей никто не исследовал. Не было системного медицинского мониторинга пострадавших, как и независимой экспертизы симптомов. Был лишь отчет о состоянии животных и уверенность власти, что этого достаточно. Более 500 тысяч человек подписало петицию за независимое расследование, а Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) выдал временную меру, запретив использование акустических устройств для контроля толпы и потребовав от Сербии отчет о здоровье пострадавших к 31 марта 2025-го. Для многих сербов это стало точкой внутреннего перелома. Не потому, что они впервые столкнулись с жесткостью государства, а потому что увидели: их личный опыт оказался менее значимым, чем «биологическая реакция» собак.

В Сербии хорошо помнят, как выглядит государственная сила, обращенная против общества. Разгоны протестов, дубинки,

водометы — все это часть коллективной памяти. Новизна мартовского эпизода состояла в том, что сила была невидимой, без реальной формы и очевидных исполнителей. Излучатель LRAD совершил «невидимую атаку», распространив психологический террор, как отмечают эксперты по нелетальному оружию. Подобные устройства, отмечают они, обладают потенциалом скрытого применения, что затрудняет доказательства нарушений.

Европа — внешний свидетель

Жалобы в Европейский суд по правам человека и запросы к Белграду показали: история вышла за пределы национального инцидента. Сербские правозащитные организации — такие как Move-Change, CRTA и Belgrade Centre for Human Rights — вместе с оппозиционными группами и индивидуальными гражданами подали жалобы еще в марте 2025 года, опираясь на четыре с лишним тысячи свидетельств о физических и психологических травмах. Обвиняли власти в нарушении статей Европейской конвенции о правах человека: запрета пыток, свободы собраний и права на эффективную защиту — за отсутствие независимого расследования. Поддержанная петицией с полумиллионом подписей, эта инициатива привела к запросам ЕСПЧ: уже 24 марта 2025 года с Европейский суд направил Белграду вопросы об использовании оружия и мерах предотвращения. В апреле Сербия отреагировала отрицанием, но это не удовлетворило суд, который 30 апреля выдал временную меру, запретив применение звуковых устройств для контроля толпы.

Для страны, декларирующей европейский выбор, вопрос не только в том, применялась ли конкретная модель LRAD, но и в том, как государство отвечает на обвинения собственных граждан. Европейский парламент в октябре 2025 осудил Сербию за подавление протестов, призвав к санкциям, если расследование не будет прозрачным. Это усиливает давление

на Вучича, чей режим обвиняют в авторитаризме и близости к Путину.

Публикация POLITICO вернула эту историю в публичное поле, но ее суть — не в технологиях и не в собаках. Она в государстве, которое сначала говорит, что этого не было, затем тайно проверяет, могло ли это быть, и в итоге доказывает свою правоту не через людей, а через «биологические объекты». Во власти, для которой отчет внешней спецслужбы оказывается убедительнее коллективного опыта тысяч граждан. Звук длился секунды. Его эхо звучит до сих пор.

Балканах

* Властями РФ организация признана нежелательной и запрещена на территории России.